

- старокабардинские написания по кн.: Ногма Ш.Б. Филологические труды. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Т.1. – Нальчик, 1956; убых. – убыхский язык; укр. – украинский язык; ф.-уг. – финно-угорские языки; франц. – французский язык. Буква **ф**. предваряет фамилии.
5. Федорова М.В. Славяне, мордва и анты. – Воронеж, 1967.
 6. Федорова М.В. Северянские ойконимы // Северо-кавказские чтения. В.4. – Ростов-на-Дону, 1992.
 7. Федорова М.В. Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области // Истоки. В.1. – Белгород, 1993; Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии. – Белгород, 1995.
 8. Федорова М.В. Среднерусская возвышенность как прародина славян // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания. – Ростов-на-Дону, 1997.
 9. Тюркоязычность половцев не доказана. См.: Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык XVI-XVII вв. в освещении современников // Вопросы языкознания, №5, 1981.
 10. Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь?.. – Волоконовка, 1991.
 11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.Ш. – М.: Прогресс, 1971.
 12. Фасмер М. Указ. соч. Т.1. – М.: Прогресс, 1964.
 13. Фасмер М. Указ. соч. Т.II. – М.: Прогресс, 1967.
 14. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972.
 15. Федорова М.В. Констратные факты в Восточной Европе // Финно-угроведение, № 3-4. – Йошкар-Ола, 1995.
 16. Фасмер М. Указ. соч. Т.1.
 17. Серебренников Б.А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания, № 6, 1955.
 18. Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР.
 19. Александров-Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. – Воронеж, 1971.
 20. См.: Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. – М.: Учпедгиз, 1956.
 21. Леман В.П. Новое в индоевропейских исследованиях // Вопросы языкознания, №№ 4,5. – М., 1991.

Категория степеней сравнения имен прилагательных: аналитические формы и аналоги

Л.И. Ушакова

Категория степеней сравнения имен прилагательных привлекла наше внимание в связи с тем, что в лингвистической и учебной литературе она рассматривается неоднозначно, по-разному выглядит парадигма входящих в нее членов. Формы типа “добрее” и “добрейший” рассматривают и как синтетические формы степеней сравнения (см. большинство вузовских учебников и школьные учебники), и как словообразовательный феномен (1, с. 444-445). В Гр-80 парадигма категории степеней сравнения двучленна: добрый – добрее; формы типа “добрейший” отнесены к словообразованию, а все составные образования (более/менее добрый, самый добрый, наиболее/наименее добрый, добрее всех, добрее всего, нет добрее) к описательным построениям (2, с. 547).

В данной статье предпринята попытка дифференцированного подхода к словесным комплексам, выражающим значения сравнительной и превосходной степени, попытка ответить на вопрос: какие из данных комплексов являются аналитическими формами степеней сравнения, какие представляют собой аналоги.

Критерии определения и выделения аналитических форм в грамматике мало изучены. Обычно отмечают большее или меньшее ослабление лексического значения

одного из компонентов и превращение его из знаменательного в полуслужебное или служебное, то есть говорят о грамматикализации словосочетания (3). Признавая факт грамматикализации как условие образования аналитических форм, мы в то же время не можем согласиться с тем, что при этом происходит десемантизация одного из компонентов. Напротив, служебное слово обеспечивает выражение специфического значения данной формы: например, значение будущего времени выражается словом “буду”, сослагательного наклонения – частицей “бы”, сравнительной степени словом “более” и т.д. Видимо, в таких случаях имеет место не лексическая десемантизация, а грамматическая пересемантизация (4, с. 76), то есть приспособление семантики вспомогательных компонентов для выражения тех значений, которые регулярно выражаются с помощью морфем. О грамматикализации же имеет смысл говорить потому, что те или иные грамматические значения выражаются не формой, а словосочетанием.

Отмечают также особую взаимосцепленность компонентов, создающую их реальную неразложимость при выражении определенного грамматического значения; идиоматичность как основу этой неразложимости (5, с. 345). Мы также признаем важность данных критериев, однако считаем, что они присущи не только аналитическим формам.

Признаками же определяющими, подлинными маркерами аналитических форм, как нам представляется, могут служить следующие:

- вхождение в единую систему грамматических противопоставлений с синтетическими формами (6, с. 90), в единый парадигматический ряд;
- предсказуемость, обязательность и регулярность (7);
- охват всей лексической системы соответствующей части речи.

К числу аналитических форм категории степеней сравнения бесспорно могут быть отнесены:

- формы сравнительной степени типа “более красивый”;
- формы превосходной степени типа “самый красивый, наиболее красивый”.

Они входят в единую парадигму с синтетическими формами, регулярны и обязательны, характеризуются особой взаимосцепленностью компонентов, их реальной неразложимостью (для реализации именно данного значения), причем именно служебное слово целиком берет на себя его специфическое выражение. Эти формы охватывают всю лексическую систему качественных имен прилагательных. Кроме того, аналитические формы являются, по сути, основными формами степеней сравнения, так как их образование, во-первых, более свободно: они могут быть образованы от всех качественных прилагательных (даже от бывших относительных, допускающих идею сравнения), в отличие от синтетических, для которых существует целый ряд структурных ограничений; во-вторых, аналитические формы имеют парадигму и, следовательно, согласуются с существительным в роде, числе и падеже, что свойственно прилагательному как части речи; могут выполнять и атрибутивную, и предикативную функцию, в то время как синтетическая форма сравнительной степени в известной мере ущербна: она неизменяема, ее функция преимущественно предикативная, то есть она находится на периферии прилагательного как части речи.

К аналитическим формам относят обычно и конструкции со словами “менее” и “наименее”, хотя акад. В.В. Виноградов отмечал, что конструкции с “менее” не сливаются в грамматическое целое, не морфологизуются, сохраняют характер свободного синтаксического сцепления (8, с. 203-204). Попытаемся определить грамматический статус этих сочетаний, опираясь на названные выше критерии определения аналитических форм.

Конструкции типа “менее красивый, наименее красивый” вызваны к жизни стремлением говорящих выразить не только большую, но и меньшую степень проявле-

ния признака, они не входят в единую систему грамматических противопоставлений с синтетическими формами, так как не имеют соотносительных синтетических форм сравнительной и превосходной степени, то есть по своему значению они изолированы от всех форм, образующих парадигму категории степеней сравнения. Вместе с тем эти формы могут быть образованы от любого прилагательного, семантика которого допускает сравнение, и в этом смысле они обязательны и регулярны.

Какой же можно сделать вывод? Мы полагаем, что эти конструкции следует рассматривать как аналоги аналитических форм сравнительной и превосходной степени.

Заслуживают специального внимания аналитические формы превосходной степени, к числу которых относят конструкции типа “самый красивый”, “наиболее красивый”, “красивее всего”, “красивее всех” (две последние не всегда).

Формы “самый красивый”, “наиболее красивый” также являются основными формами превосходной степени, ибо они не имеют ограничений в образовании, предсказуемы, регулярны и обязательны.

Слово “самый” обладает достаточно слабой прономинальной семантикой, находится на пути окончательной пересемантизации – превращения в формообразующую (при прилагательном) или смысловую (уточняющую либо усилительную) частицу – при местоимениях и существительных:

– Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная (Л.Н. Толстой);

– В эту самую минуту сильный порыв ветра раздвоил тучу (М. Горький);

– То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее (А.С. Пушкин).

Говоря о наличии двух (или более) аналитических форм превосходной степени, нельзя обойти молчанием следующие вопросы: почему при одной синтетической форме превосходной степени появились две (или даже три, четыре) формы аналитические?

Идентичны ли они в плане содержания как между собой, так и по отношению к синтетической форме? Нам представляется, что в области форм превосходной степени действует тенденция к дифференциации и специализации средств выражения ее значений. Обычно отмечают многозначность синтетической формы, которая может иметь значения суперлатива – высшей степени проявления признака в данном предмете по сравнению с другими предметами – или элятива – высшей меры проявления признака в данном предмете без сравнения с другими предметами. Относительно элятива существуют и прямо противоположные мнения: некоторые лингвисты вообще исключают элятив из категории степеней сравнения, считая, что это значение не соотносительно с другими степенными формами прилагательного (в частности, с формой сравнительной степени) (9), и с этим нельзя не согласиться. Высказывалась мысль о том, что оно проявляется в некоторых формах превосходной степени в результате утраты основного значения (10) (т.е. суперлатива – Л.У.). Другие рассматривают значение элятива как основное для форм с суффиксами – ейш- (-айш-) (11, с. 346-347).

Мы полагаем, что, по крайней мере, тенденция такая есть. Дело в том, что значения суперлатива и элятива (за исключением уже ставших штампами примеров элятива типа “милейший человек, любезнейший Иван Иванович, редчайший случай, добрейшая душа, мельчайшие подробности” и др.), не всегда четко разграничиваются. Ср.: За облаками пролегла любви кратчайшая дорога (С. Щипачев).- По многим улицам проходят мои ближайшие друзья (К. Симонов).

Такая ситуация не может быть стабильной. Носители языка начинают искать средства дифференциации этих значений. Одно из них – конструкции, состоящие из предлога из и родительного падежа существительного (или реже предлога среди + ро-

дательный падеж): талантливейший из учеников (среди учеников), в которых семантика суперлатива выражена вполне определенно. По замечанию В.В. Виноградова, предлог из служит наряду с суффиксом – ейш- (-айш-) формальным признаком превосходной степени в собственном смысле (12, с. 208) (т.е. суперлатива – Л.У.). В учебной литературе называют еще одну конструкцию предикативного типа, выражающую значение превосходной степени (также суперлатива), – отрицательный оборот “нет” + форма сравнительной степени прилагательного: нет красивее, нет добрее (13, с. 261), степень преобладания признака в котором близка к абсолютной, но элемент сопоставления с другими его проявлениями, как нам кажется, присутствует. Для выражения суперлатива с оттенком выделения, видимо, специализируется еще одна конструкция: “один из + форма превосходной степени: один из талантливейших учеников”. Эти конструкции являются свидетельством действия тенденции к более четкому разграничению суперлатива и элятива. В условиях, когда суперлатив нашел себе различные описательные средства выражения значения, синтетическая форма должна все больше специализироваться на выражении элятива, что мы и наблюдаем в действительности (14, с. 209). Эти конструкции, конечно, не парадигматичны, они представляют собой факт речи, а не языка, и мы рассматриваем их как аналоги форм превосходной степени, в которых семантика суперлатива в достаточной мере определена.

Вернемся к аналитическим формам типа “самый красивый” и “наиболее красивый”. Последняя, несомненно, выражает качественное превосходство лица или предмета над другими аналогичными, т.е. имеет значение суперлатива. Что касается формы “самый красивый”, то мнения лингвистов различны: В.В.Виноградов считал ее соотносительной как одному, так и другому значению синтетической формы (15, с. 206, 208), а И.П.Распопов говорит, что в элятивном значении форма – на – ейш- (-айш-) “уже не вполне идентична, а в ряде случаев и вовсе не идентична составной форме превосходной степени (16, с.58) (имеется в виду форма с “самый”). Нам представляется, что формы типа “самый красивый” выражают признак не абсолютно, а относительно, соотношение “наиболее красивый – самый красивый” представляют собой градацию преобладания признака в одном предмете по сравнению с другим. Как аналитические формы превосходной степени иногда рассматривают сочетания типа “красивее всех”, “красивее всего” (их называют также сложными формами, синтаксическим выражением идеи сравнения) (17, с. 49). По-разному определяет статус этих форм специально занимающаяся ими Н.А.Еськова: конструкцию с “всех” она считает описательным выражением превосходной степени на том основании, что во всех случаях возможна замена слова “всех” оборотом “чем все”, который, с точки зрения автора, является показателем того, что мы имеем дело со свободным синтаксическим построением. Сочетания с “всего”, напротив, замену этим оборотом в целом ряде случаев не допускают – следовательно, это аналитические формы (18).

Мы полагаем, что обе конструкции относятся к аналогам форм суперлатива, так как они не обладают важнейшим признаком, характерным для превосходной степени: максимальное проявление признака должно проявляться в данном предмете по сравнению с другими предметами того же ряда. Конструкции же типа “сильнее всех”, “сильнее всего” “выражают высшую степень качества посредством сравнительного противопоставления чего-нибудь или кого-нибудь всем прочим предметам в совокупности притом отнюдь не из одной и той же категории” (19, с. 211): – Всего прочнее на земле печаль И долговечней царственное слово (А.Ахматова); – Была ли ты всех ярче, верней и прелестней? (А.Блок).

Кроме того, в отличие от аналитических форм, в которых специфическое значение выражается прежде всего вспомогательным компонентом, в рассматриваемых конструкциях оно выражается всем сочетанием, а это свойственно аналогам, как мы их

понимаем. И коль скоро в данной статье мы этим термином оперировали, то сформулируем те признаки, которые, на наш взгляд, для аналогов характерны: структурная расчлененность; семантическое единство; идеоматичность; возможно наличие синсемантического элемента (20), нахождение за пределами парадигмы, отсутствие соотносительности с синтетическими формами, хотя не обязательно наличие в каждом отдельном случае всех этих признаков в комплексе.

Для полноты общей картины выражения степенной семантики в современном русском языке выскажем свое понимание еще двух форм: типа покрасивее, выражающей более мягкое по сравнению с “красивее” преобладание признака, и наикрасивейший, в которой степень проявления признака, напротив, усилена по сравнению с “красивейший”. Мы рассматриваем эти формы как дериваты соответствующих синтетических форм сравнительной и превосходной степени.

Итак, все описанные формы образуют функционально-семантическое поле компаративности, которое может быть представлено следующим образом:

Ядро	ближайшая	периферия
парадигма степеней сравнения	дериваты	аналоги
красивый		
красивее	покрасивее	
более красивый		менее красивый
красивейший	наикрасивейший	красивейший из (среди) один из красивейших
наиболее красивый		наименее красивый
самый красивый		красивее всех красивее всего

Поле компаративности имеет также дальнюю периферию – различные лексические, словообразовательные и синтаксические средства выражения данного значения, которые не были предметом описания в данной статье.

Литература

1. См., в частности: И.Г. Милославский. Морфологические категории современного русского языка – М., 1981. С. 119; Современный русский язык / Под ред. В.А.Белашаповой. – М., 1989. – С. 444-445.
2. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – С. 547.
3. См.; В.М. Жирмунский. О границах слова // ВЯ. – 1961 – № 3; его же: Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М-Л.: Наука, 1965; М.М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале истории немецкого языка) // Вопросы грамматического строя – М., 1965; З.А. Толмачева, Э.Р. Фрей. К вопросу об аналитических конструкциях и их реализации в современном русском языке. // Вопросы грамматики и стилистики. Уч. зап. Латвийского гос. ун-та. Т. 83, 1967.
4. См.: А.А. Колесников. К проблеме парадигматико-компенсирующих свойств аналитических форм в системе современного русского языка // ФН. – 1994. – № 1.
5. См.: М.М. Гухман. Указ. статья.
6. Об этом признаке говорит Н.А.Арутюнова. См. её статью: О критерии выделения аналитических форм. // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М-Л.: Наука, 1965. С. 90.
7. См.: А.А. Колесников. Указ. раб.
8. В.В.Виноградов. Русский язык. – М., 1972. – С. 203-204.
9. И.И. Распопов, А.М. Ломов. Основы русской грамматики. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984.
10. Н.А. Еськова. об одном случае разграничения описательных конструкций и аналитических форм (сочетания типа *сильнее всех и сильнее всего*) // Филол. науки. – 1971. – № 3.

11. См. Л.И. Рахманова, В.А. Суздальцева. Современный русский язык. – М., изд-во МГУ, 1997. С. 346-347.
12. В.В. Виноградов. Указ. раб. – С. 208.
13. См.: Современный русский язык / Под ред Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 261.
14. Ср. высказывание В.В.Виноградова: "... семантико-семантическая структура превосходной степени переживает сложный процесс. Происходит отчасти семантическое сближение форм – ейш-, – айш- с категорией субъективной оценки (элятив), отчасти аналитическое распространение её предложными конструкциями". См.: В.В.Виноградов. указ. раб. С. 209.
15. В.В. Виноградов. Указ. раб. – С. 206, 208.
16. И.И. Распопов, А.М. Ломов. Указ. раб. – С. 58.
17. См. учебник под ред. Д.Э. Розенталя. С. 261, а также: Современный русский язык. Анализ языковых единиц. 3 ч. Ч. 2. Л.Д. Чеснокова, В.С. Печникова. – М., 1995. – С. 49.
18. Н.А. Еськова. Указ. статья.
19. В.В. Виноградов. Указ. раб. С.211. Ср. иное мнение, высказанное Н.А. Еськовой в указ. работе.
20. См.: Л.И. Ушакова. Местоимение и их аналоги // РЯШ. – 1998. – № 1.

Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения

В.Н. Цоллер

Научная мысль второй половины XX столетия характеризуется повышенным вниманием к человеку – центру мироздания, что предопределяет переориентацию исследований, наблюдаемую во многих фундаментальных науках. Доминирующим принципом научных изысканий становится принцип антропоцентризма, который в лингвистике связан прежде всего со стремлением рассмотреть языковые явления в диаде “язык и человек”, что означает исследование широкого круга языковых фактов, отраженных в языковом сознании говорящих или же отражающих присутствие говорящего в акте речи и установлении системы его координат (8, с. 139; 9, с. 223-224).

В рамках антропоцентрической парадигмы сформировались новые специальные области лингвистики – экспрессология, эмотология, аксиология и др. В этих направлениях в настоящее время активно работают такие отечественные и зарубежные лингвисты, как В.Телия, В.Шаховский, Л. Бабенко, Н.Лукьянова, Г.Скляревская, В.Харченко, А. Вежбицкая, Б. Волек, Дж. Эйчисон и др. Однако, несмотря на большое количество работ, появившихся в последние годы как в России, так и за рубежом, выполненных в антропоцентрическом ключе, многие проблемы, связанные с “человеческим фактором в языке”, остаются нерешенными.

К числу таких глобальных проблем относится проблема языковой концептуализации, вербализации и категоризации аффективной стороны человеческой деятельности, что связано прежде всего с изучением природы и функционирования важнейших лингвистических категорий – эмотивности, оценочности и экспрессивности, в их сложном взаимодействии и взаимосвязи в семантике слова и фразеологизма как основных языковых единицах, в значении которых объективируется эмоционально-оценочное отношение субъекта речи к действительности.

История изучения субъективно окрашенной стороны языка характеризуется многочисленностью и разнообразием направлений и концепции, что объясняется прежде всего сложностью и многогранностью самого объекта. Ранние работы, посвященные эмоционально-оценочным и экспрессивным аспектам языковых единиц, носили в